

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

канд. культурологии, доцент факультета бизнеса
и управления НОУВПО Гуманитарный универ-
ситет (г. Екатеринбург)
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology,
Associate Professor at Business and Management
Department, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**«ЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ»
И «НАВЯЗАННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ»**

**«DEPENDENT DEVELOPMENT»
AND «FORCIBLE
MODERNIZATION»**

Аннотация

Статья посвящена феномену «насильственной модернизации» и «зависимого развития». В работе рассматривается специфика содержания и системных закономерностей этого своеобразного типа «догоняющей модернизации», анализируются современные научные теории, изучающие и систематизирующие данный феномен (концепции Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Р. Пребиша, Ф. Кардозу, Э. Фалетто, А. Г. Франка). В силу того, что элементы описанных типов «догоняющей модернизации» присущи большинству социумов «второго эшелона» мирового развития, идущих по пути «вторичной модернизации» (в том числе – России), изучение данной социокультурной закономерности является во многом матричной для понимания современных модернизационных процессов в целом.

Ключевые слова: «насильственная модернизация»; «зависимое развитие»; «мир-экономика»; «мир-система»; полупериферия; девелопменталистский подход; мини-системы; тотальность.

Abstract

The article focuses on the phenomena of «forcible modernization» and «dependent development». The paper considers the specific content and the systemic laws of this peculiar type of «catch-up modernization», analyzes modern scientific theories studying and systematizing this phenomenon (the concepts of F. Braudel, R. Wallerstein, Prebisch, F. Cardoso, E. Faletto, A. G. Frank). Some elements of «catch-up modernization» (the above-mentioned among them) are characteristic for the majority of «second echelon» societies in the world following the way of «secondary modernization» (including Russia), and the study of these socio-cultural patterns is, to a great extent, a matrix for understanding modern modernization processes as a whole.

Key words: «forcible modernization»; «dependent development»; «world economy»; «world-system»; the semi-periphery; developmentalists approach; mini system; totality.

История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков.

В. О. Ключевский

Разновидностью догоняющей модернизации можно считать концепцию «**зависимого развития**», авторами которой являются Р. Пребиш, Т. Дос Сантос, Р. Марини, Ф. Кардозу, С. Фуртаду, Д. Сиера, А. Агиляр, С. Амина, У. Мелотти, Р. Ставенхаген, О. Фальс Борда, Э. Торрес Ривас, М. Каплан, Э. Фалетто и А. Г. Франк. Основой для данной концепции является мир-системный анализ, представленный прежде всего в трудах Ф. Броделя и И. Валлерстайна.

Ф. Бродель ввел понятие «мира-экономики» (l'«economie-monde»), подчеркивая при этом, что он имеет в виду вовсе не мировую экономику в целом. Такая экономика («рынок всего мира») возникла, по его мнению, совсем недавно. Каждый мир-экономика пространственно ограничен и довольно стабилен. Пространство мира-экономики делится на несколько зон, образующих иерархию. «Всякий мир-

экономика, – пишет Ф. Бродель, – есть складывание, сочетание связанных воедино зон, однако *на разных уровнях*. В пространстве обрисовываются *по меньшей мере* три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины... Центр, так сказать, «сердце», соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей; это зона «блистательных вторых» (полупериферия). Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других» [6. С. 32].

В отличие от Ф. Броделя И. Валлерстайн ставит самые общие вопросы методологии исторического исследования. Он подвергает критике подход к истории, который именуется девелопменталистским (от англ. development – развитие). Согласно этому взгляду, мир состоит из множества «обществ». И. Валлерстайн объясняет, почему «национальное государство» нельзя принимать за единицу истории. Сейчас весь мир образует один-единственный капиталистический мир-экономику. «Из этой предпосылки следует, что национальные государства являются *не* обществами, которые имеют отдельные, параллельные истории, а частями целого, отражающими это целое. В той степени, в какой стадии существуют, они существуют для системы как целого» [5. Р. 16]. Поэтому «такой вещи», как «национальное развитие», не существует, и «истинным объектом сравнения является мир-система» [3. Р. 4]. И это верно и по отношению к периоду до возникновения капиталистического мира-экономики. Существовавшие в предшествовавшие эпохи «племена», общины, так же как и нации-государства, не были тотальными системами [4. Р. 348]. «Мир-системная перспектива принимает по контрасту, что социальные действия происходят в объекте, внутри которого существует разделение труда, и стремится открыть *эмпирически*, унифицирован или не унифицирован такой объект политически или культурно, выяснить *теоретически*, каковы следствия существования или несуществования такого единства» [Там же. С. 349]. И если даже мы будем говорить о стадиях, то «это должны быть стадии социальных систем, т. е. тотальностей. А единственными тотальностями, которые существуют или исторически существовали, являются мини-системы и миры-системы, а в XIX и XX веках существовал и существует один единственный мир-система – капиталистический мир-экономика» [3. Р. 4–5].

По мысли Р. Пребиша, мировая капиталистическая система характеризуется жестким структурным разделением на центр (центры) и периферию. Периферию составляют регионы с хроническим запаздыванием в технологическом развитии и в развитии рынка, в связи с чем они находятся в зависимости от центра. Отношения зависимости, отмечает Пребиш, имеют много аспектов, но ключевым является аспект технологический: технологические инновации прежде апробируются в центрах, где они способствуют получению сверхприбыли, и лишь затем попадают на периферию. Вследствие запоздалого использования технических достижений «излишек» прибыли на периферии оказывается несопоставимо меньшим, чем в центрах. Но мало того, отставание в использовании технических достижений накладывается на отсталую структуру экономических укладов и отсталую социальную структуру, в которых значительное место занимают докапиталистические элементы. Отсталая социально-экономическая структура еще более затрудняет, стопорит процесс накопления, а также усугубляет несправедливый характер процесса распределения и еще более снижает его эффективность. Таким образом, «правила игры периферийного капитализма не позволяют устранить... его конфликтный характер, его противоречивость, усиливающуюся вследствие изменения соотношения сил в борьбе за власть между основными социальными слоями» [8. С. 50]. (Эта концепция отличается чрезмерно жестким «расписанием ролей»,

что, в свою очередь, унаследовано от отличающейся подобными же характеристиками мир-системной концепции Валлерстайна; Р. Инглегарт в своих работах показал, что глобальное разделение труда вовсе не замораживает статус периферийных стран [7. С. 51].)

Периферийное технологическое и социально-экономическое развитие имеет и свои (социально)-политические последствия, особенности которых Пребиш описывает и разъясняет следующим образом: «Процесс демократизации в центрах развернулся, когда уже была достигнута достаточно высокая степень накопления капитала. Между тем как на периферии демократизация началась до того, как накопление капитала стало отвечать требованиям развития. ...Демократизация здесь тесно переплетена с борьбой за участие в распределении плодов экономического развития и потому носит конфликтный характер...» [Там же. С. 203]. Выход из этого латиноамериканского цикла «демократия – авторитаризм» (опять инверсия!) Пребиш видит в «широкой демократизации» – трансформации всех отношений «центр – периферия» и выходе периферии на самостоятельное развитие. Ядро процесса трансформации должны составить меры по вмешательству государства в сложившийся процесс накопления и распределения при максимально возможном использовании рыночных сил. Именно тогда должны соединиться в нынешних странах третьего мира экономический и политический либерализм.

Идеи Р. Пребиша были дополнены и развиты Ф. Кардозу и Э. Фалетто, которые показали, что Латинская Америка не сталкивается с дилеммой «развитие или зависимость», но движется в русле «зависимого развития». *Зависимость* имеет два уровня: один проходит через классовую структуру общества, другой – через межгосударственную политику. *Развитие* также имеет два измерения: *экономическое* – создание динамичного внутреннего (неэкспортного) сектора экономики, способного породить самоподдерживающийся рост, а также смещение центра принятия решений, и *социальное* – переход от традиционного общества к современному [1. Р. 8]. Настоящая ситуация зависимого развития «позволяет продвигать развитие и, между тем, поддерживать и переопределять отношения зависимости» [Ibid. Р. 174]. В новой ситуации зависимого развития теряют значение популизм и национализм – эти столь мощные политические движения, формирующие и укрепляющие внутренний рынок и национальную экономику [Ibid. Р. 175]. Ключевыми как во внутренней, так и во внешней политике оказываются отношения между государством и капиталом.

Особняком в данной парадигме стоят взгляды А. Г. Франка. Объектом его критики становятся линейно-стадиальные концепции модернизации, главным образом теория стадий экономического роста У. Ростоу. Последний ставит знак равенства между традиционным обществом и недоразвитым: недоразвитость у него – это первоначальная стадия, с которой начинается развитие. Современные развитые страны, по Ростоу, в прошлом тоже были недоразвитыми. Но сейчас в мире, по Франку, нельзя найти ни одного общества, которое можно было бы отнести к традиционным. Развитые страны давно разрушили существовавшие до контакта с ними структуры всех прочих стран, будь они традиционными или какими-либо другими. Современные недоразвитые общества не представляют собой традиционных. Не относятся они и ко второй выделенной У. Ростоу стадии – переходной. Недоразвитость есть следствие эксплуатации ныне недоразвитых стран ныне развитыми странами. Поэтому последние никогда не были недоразвитыми (underdeveloped), они были в прошлом лишь неразвитыми (undeveloped). Недоразвитость не есть ни первоначальное, ни традиционное состояние. «На самом деле, – пишет А. Г. Франк, – экономическая и политическая экспансия Европы XV века привела к инкорпорации ныне недоразвитых стран в единый поток мировой исто-

рии, который одновременно породил нынешнюю развитость одних стран и неразвитость других» [2. Р. 41].

А. Г. Франк вынес своего рода резюме по проблеме концепции «зависимого развития»: «Новые поколения ученых из неразвитых стран, те, для кого эти проблемы наиболее важны и кто лучше всего способен справиться с ними, обратят на эти проблемы необходимое внимание и сделают понятными процессы развития и неразвитости. Эти люди должны поставить задачу изменить это неприемлемое положение дел, сокрушив эту презренную реальность. Они не смогут справиться с этими задачами, импортируя стерильные стереотипы, не соответствующие их экономической действительности и не отвечающие их политическим задачам освоения, из метрополии. Чтобы изменить реальность, они должны понять ее» [Ibidem].

Ко всему сказанному можно добавить и еще один штрих. К концепции «зависимого развития» (которое, при всей своей болезненности, является вполне реальным проводником процессов догоняющей модернизации) примыкает проблема, которую можно определить как **«навязанную (импортированную) модернизацию»**. Речь идет о прецедентах, когда догоняющая модернизация насильственно навязывается *извне*.

Этот момент явно противоречит распространенному взгляду, согласно которому чуждые ценности не могут прижиться на инородной почве. Мало того, что это противоречит диалоговому подходу в культурологии, но также хорошо известны конкретные культурные механизмы, по которым происходит обмен и взаимопроникновение (в том числе аксиологическое). Главное, историческая практика дает множество примеров, когда модернизационные ценности прямолинейно (и часто насильственно) навязывались тому или иному обществу – и впоследствии приживались и даже становились своего рода местной традицией (с собственными инерционностью и самореференцией).

Вот несколько широко известных примеров. Все без исключения колониальные акции европейских государств приводили к разного рода «европеизациям» («англизация» Индии, «галлизация» Индокитая и т. д.) – то, что в дальнейшем легло в основу концепции «бремени белого человека» (советский вариант – «прогрессивного значения добровольного присоединения имьярек»). С. Хантингтон прямо констатировал: «Ее (демократии. – Д. С.) развитие в западных обществах, за малыми исключениями вроде Турции, явилось в большой мере следствием западного влияния, западного колониализма или военной оккупации все теми же западными державами» [10. С. 5]. Самое пикантное, что эта концепция, в принципе, верна (с поправкой на все то, о чем писали создатели теории «зависимого развития») – модернизация колоний состоялась совершенно реально: достаточно вспомнить, как Индия переняла у колонизаторов и вот уже более полувека успешно применяет на практике типичную для британской политической традиции «вестминстерскую систему», является одной из немногих успешно действующих азиатских демократий...¹ Такой же насильственной модернизацией была и колонизация Соединенными Штатами Америки «Дикого Запада» (со всеми присущими этому типу модернизации издержками): показательно, что в современных США коренных американцев (т. е. индейцев) – в 4 раза больше, чем на момент начала колонизации! Причина – в тех оздоровительных (именно так!) мероприятиях, которые проводились в резервациях и которые могут быть охарактеризованы, вполне «по Солженицыну», как «сбережение народа» (прежде всего – вакцинация и другие гигиенические мероприятия, но также и образовательные проек-

¹ Сравнение побывавшей под колониальным игом (и *потому* сегодня динамично развивающейся) Индии и никогда не покорявшегося колонизаторам (и *потому* сегодня весьма проблематичного) Афганистана уже стало хрестоматийным.

ты и принудительное разоружение аборигенов, исключившие межплеменную резню). Разделы Первой Речи Посполитой были не только национальной трагедией поляков (это бесспорно), но и практикой успешной модернизации в государственно-юридической области (особенно в австрийской части бывшего союзного государства, о чем упоминал современный польский историк Я. Ю. Липский). Насильственной (крайне жестокой) модернизацией сопровождалось и покорение англичанами Шотландии (до этого столетиями пребывавшей в социально-экономическом застое: выражение «шотландский XVII век», с легкой руки Б. Шоу, стало нарицательным как синоним архаики). Своего рода пример континентального и даже мирового масштаба – наполеоновские походы: по точной констатации Е. Тарле, «отрицать очевидный и безусловный факт, что страшный разгром феодально-абсолютистской Европы Наполеоном имел положительное, прогрессивное историческое значение, было бы неправильно, недостойно сколько-нибудь серьезного ученого» [9. С. 8] (добавим: не только разгром, но и демонтаж феодализма и внедрение капиталистических норм посредством директивного введения на завоеванных землях Наполеоновского кодекса). Да и большинство европейских революций XIX века (особенно итальянская и испанские) возникали под непосредственным воздействием наполеоновской практики (по принципу «отложенного действия»). В XX веке наиболее широко известные и масштабные примеры – насильственная модернизация Германии и Японии после Второй мировой войны (в частности, демократические ценности в обеих этих странах были в самом буквальном смысле слова «принесены на штыках»). Такой вариант догоняющей модернизации крайне труден и чреват срывом (что иллюстрирует драматическая «дипломатия канонерок» США в исламском мире на рубеже XX–XXI вв.) – хотя бы потому, что отторжение модернизации здесь может проходить под флагом национально-освободительной борьбы; примеры тому история также поставляет в избытке: движение махдистов в Судане, джихады Дипо Негоро на Яве, Теуку Умара на Суматре и Абд-аль-Кадира в Алжире, Ихэтуаньское восстание в Китае, Индийское национальное восстание 1857 года (под лозунгом восстановления империи Великих Моголов), восстание Сая Санна в Бирме, антироссийский газават на Северном Кавказе под флагом мюридизма, Среднеазиатское восстание 1916 года и басмаческое движение (сюда же органично вписываются и современные трагические процессы на Северном Кавказе). Общеизвестно, что и антинаполеоновские освободительные движения в Европе не только объективно привели к победе Реставрации, но и сами во многом носили «антимодернистский» характер – это относится и к движению карбонариев (на начальной стадии), и к российскому крестьянскому сопротивлению 1812 года, и особенно к испанской Войне за независимость 1808–1813 гг. (а еще раньше – к гражданской войне в Вандее и Бретани в годы Великой французской революции)². Здесь срабатывает афористическая формула В. Гюго: насильственное освобождение может показаться поработленным новым поработением (причем совершенно не обязательно, чтобы «насильственные модернизаторы» были чужеземцами – в условиях социокультурного раскола за чужаков сойдут и соотечественники; такой прецедент можно наблюдать на примерах пугачевщины и большевизма). Во всяком случае, матрицы «зависимого» и «навязанного» развития можно считать самыми трудными, болезненными и рискованными формами догоняющей модернизации.

² Эта особенность испанских событий крайне драматично сказывалась на личных судьбах испанских сторонников модернизации: так, великий художник Ф. Гойя, воспевавший в своих картинах героизм участников Войны за независимость, будучи либералом, сам был сторонником наполеоновского ставленника короля Хосе I (Жозефа Бонапарта) – потому, что именно французы несли в Испанию необходимое и давно наболевшее обновление! Из-за этого Гойя по окончании войны имел большие неприятности от королевской власти Бурбонов и инквизиции.

Литература

1. Cardoso F., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. – Berkeley, 1979.
2. Frank A. G. Sociology of Development and Underdevelopment of Sociology // Frank A. G. Latin America: Underdevelopment and Revolution. – N. Y., 1969.
3. Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System: Concepts For Comparative Analysis // Wallerstein I. The Capitalist World-System. Essays. – Cambridge ; Paris, 1979.
4. Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origin of European World-Economy in the Sixteenth Century. – N. Y., 1974.
5. Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // Wallerstein I. The Capitalist World-System. Essays. – Cambridge ; Paris, 1979.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. – Т. 3 : Время мира. – М., 1992.
7. Инглегарт Р. Модернизационные теории и традиционная культура // Общая тетрадь. Вестник МШПИ. – 2008. – № 4.
8. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М., 1992.
9. Тарле Е. Наполеон. – М. : Изд-во АН СССР, 1957.
10. Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 10.